

Прытков Владимир Павлович

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В статье анализируются онтологические проблемы в естественнонаучных и социально-гуманитарных исследованиях XX-XXI вв.: типология изучаемых объектов, формы постановки указанных проблем и способы их решения. Оцениваются новейшие тренды в развитии науки и философии. Отмечается, что современные социально-гуманитарные исследования, так же, как естественнонаучные, изучают виртуальные объекты. Обосновывается тезис о неустрашимости и актуальности классических, "вечных" проблем онтологии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. I. С. 156-161. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

CHANGES OF LEGISLATIVE BASIS AFTER THE ADOPTION OF NEW POLICY ON THE INDIAN PROBLEM AND THE STATUS OF THE NATIVE AMERICANS IN 1969-1974

Preimak Aleksandr Romanovich
Ryazan State University named after S. A. Esenin
preymak@gmail.com

The article examines the change of legislative basis after the adoption of new policy on the Indian problem by Richard Nixon's administration in 1970. The author provides an analysis of different bills that were adopted by the USA government in the period from 1968 till 1978, and their influence on the Native Americans' life. On the basis of available sources the paper concludes that the laws were aimed to improve many spheres of the life of the Native Americans in the contemporary society. Internal and external factors served as a breeding ground for changing the state policy regarding the Indian problem.

Key words and phrases: laws; the Native Americans; the Indians; occupation; self-determination; recent history.

УДК 14.5; 1(091)

Философские науки

В статье анализируются онтологические проблемы в естественнонаучных и социально-гуманитарных исследованиях XX-XXI вв.: типология изучаемых объектов, формы постановки указанных проблем и способы их решения. Оцениваются новейшие тренды в развитии науки и философии. Отмечается, что современные социально-гуманитарные исследования, так же, как естественнонаучные, изучают виртуальные объекты. Обосновывается тезис о неустрашимости и актуальности классических, «вечных» проблем онтологии.

Ключевые слова и фразы: наука; объект; онтология; проблема; кентавр-проблема; реальность; виртуальная реальность; реальность социокультурного виртуального; социокультурные иллюзии.

Прытков Владимир Павлович, к. филос. н., доцент
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
a.n.kolobaeva@urfu.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ[©]

Выражаю глубокую благодарность Анне Николаевне Колобаевой, ведущему инженеру нашей кафедры, за техническую и организационную помощь в подготовке моих рукописей к публикации.

Неразрывную связь онтологии и теории познания, о которой поэтично намекнул Парменид, четко и ясно, в категориальной форме, навечно утвердил Платон: «Знание направлено на бытие, чтобы познать его свойства» [16, с. 258]. С тех пор категория бытия становится одним из фундаментальных концептов философии. Понятия «сущее», «сущность», «существование» производны от категории бытия и представляют собой ее различные аспекты. Проблемный характер указанных понятий впервые подчеркнул Аристотель: «И вопрос, который издревле ставился и ныне и постоянно ставится и доставляет затруднения, – вопрос о том, что такое сущее, – это вопрос о том, что такое сущность» [1, с. 188]. Великий спор об универсалиях, длившийся на протяжении всего Средневековья, с самого начала был делом онтологии, утверждал Николай Гартман. Он констатировал в 1934 г. так называемый «онтологический поворот» европейской философии, отмечая «широту и разветвленность проблематики бытия, ее долгую предысторию и необозримую распыленность» [3, с. 65]. В наши дни, пишет Д. В. Пивоваров, вопреки критике онтологии сторонниками кантианства и позитивизма, «онтологические размышления вновь обретают осязаемую мировоззренческую значимость, востребованы фундаментальными науками» [15, с. 9].

С данным тезисом нельзя не согласиться. Однако он требует, на наш взгляд, дальнейшего изучения, конкретизации и обоснования. Центральная проблема онтологии, выражаемая «детским» вопросом «Как устроен этот мир?», предполагает решение следующих задач: 1) что существует; 2) как существует; 3) каковы критерии существования? Любая онтология – философская или дисциплинарная – должна решать эти задачи, в противном случае она превращается в беллетристику. **Цель** данной статьи – обосновать тезис о неустрашимости и актуальности указанных классических, «вечных» проблем онтологии в фундаментальных научных исследованиях XX-XXI вв., составляющих неклассическую науку, проанализировать основные виды познаваемых объектов.

Обратимся к вопросу «*Что существует?*». Предварительно уточним используемые термины. *Объект* – это «всё, что может быть названо» [26, с. 342]; всё, на что может быть направлена мысль человека, познающего мир и самого себя; любое нечто. Объем понятия «объект» можно разделить на конкретные и абстрактные объекты. Различие между ними проводят посредством примеров. Например, В. Штегмюллер приводит в качестве примеров конкретных объектов следующие: «атомы, молекулы, клетки, дождевых червей, людей, дома, капли воды, облака, неподвижные звезды и т.д.», а в качестве абстрактных объектов – «классы или множества, объемы

понятий, числа, качества, отношения, функции, суждения и т.п.» [10, с. 18]. Термины «вещь» и «предмет» Г. Д. Левин предлагает употреблять как синонимы для обозначения конкретных объектов [Там же, с. 24].

Данная трактовка категории «объект» позволяет продолжить анализ объектов научно-познавательной деятельности. При решении этой задачи понятия «субъект» и «объект» рассматриваются как *парные категории* высокой степени общности [15, с. 260]. Субъекты – это индивиды и сообщества (социальные группы, институты и т.п.), которые осуществляют и организуют научно-познавательную деятельность. Объект – то, на что направлена указанная деятельность. В этом смысле справедливо утверждение: «**Без субъекта нет объекта**». В качестве познаваемого объекта может выступать любой фрагмент природной, социальной, технической и т.п. реальности.

Объекты научно-познавательной деятельности можно разделить на следующие виды.

1. **Реальные объекты** – это прежде всего фрагменты природной реальности, в том числе и те конкретные объекты, которые перечисляет В. Штегмюллер. Исключать из этого бесконечного класса объектов «такие вещи и процессы, которые мы не можем познавать в силу своей исторической ограниченности» [6, с. 404], как предлагают А. В. Иванов и В. В. Миронов, не следует. Указанные ими вещи и процессы являются, на наш взгляд, реальными объектами научного познания, существующими *потенциально*, ожидающими «своего часа». В этой связи следует сказать об идее квантово-теоретической онтологии, обсуждаемой, например, В. Гейзенбергом. Известно, что выдающийся немецкий физик-теоретик по своему мировоззрению примыкает к объективному идеализму в версии Платона, поэтому его рассуждения о модификации онтологии направлены против материалистической философии. Вместе с тем, Гейзенберг прав в том, что «понятие возможности, игравшее столь существенную роль в философии Аристотеля, в современной физике вновь выдвинулось на центральное место. Математические законы квантовой теории вполне можно считать количественной формулировкой аристотелевского понятия “динамики” или “потенция”» [4, с. 223]. Как убедительно доказал В. А. Фок, при наблюдении реального объекта в классической физике действует схема: ОБЪЕКТ + СУБЪЕКТ, а в квантовой физике – другая схема: (ОБЪЕКТ + ПРИБОР) + СУБЪЕКТ. Таким образом, квантовая физика – образец неклассической науки! – не опровергает философский материализм [24], а стимулирует его развитие.

2. **Реально-гипотетические объекты** – это природные объекты, существование которых предсказано теоретиками и воплощено в их гипотезах (опубликованных в научных изданиях), но не обнаруженные пока экспериментаторами. Например, гравитационные волны (предсказанные А. Эйнштейном в 1916 г., но до сих пор не обнаруженные), тахионы, монополю Дирака, кварки и глюоны и т.п. Следовательно, существование объектов данного вида обусловлено: а) использованием метода математической гипотезы; б) разделением научного труда – теоретики и экспериментаторы трудятся раздельно в профессиональном и организационном планах; в) опережающим развитием теорий в сравнении с экспериментальными исследованиями. Необходимо подчеркнуть, что метод математической гипотезы (термин предложен С. И. Вавиловым) впервые был успешно применен в астрономии в первой половине XIX в. (открытие Цереры в 1801 г. и Нептуна в 1846 г.), т.е. в недрах классической науки, а затем многократно применялся в различных областях физики [25]. В частности, Дж. К. Максвелл теоретически предсказал существование электромагнитных волн в 1865 г., в Г. Р. Герц в 1888 г. экспериментально доказал их существование. Следовательно, в течение 23 лет электромагнитные волны входили в класс реально-гипотетических объектов, а затем перешли в класс реальных объектов. Охота на бозон Хиггса длилась около 47 лет, с 1965 г. по 2012 г. [21].

Следовательно, метод математической гипотезы, возникший в эпоху классической науки, продемонстрировал свои эвристические возможности в полную меру в условиях неклассической науки XX в. Однако в последние годы этот метод столкнулся с определенными затруднениями. Первое из них было описано в методологической концепции И. Лакатоса, которая различает три типа вспомогательных гипотез *ad hoc*. В частности, к гипотезам второго типа, *ad hoc 2*, относятся гипотезы, имеющие дополнительное содержание по сравнению со своими предшественницами, но «это содержание не является подтвержденным» [9, с. 220]. Такого рода познавательная ситуация возникла в релятивистской космологии после создания инфляционной теории (ИТ) в 1980-е гг. Анализ данной ситуации, проведенный А. Н. Павленко, позволяет утверждать, что ИТ находится на «*стадии эмпирической невесомости теории (СЭНТ)*» и эта стадия оказывается постоянной. «Постоянство» обусловлено тем, что многие следствия ИТ являются непроверяемыми: так, например, рождение домена происходит при энергиях порядка 10^{15} - 10^{19} ГэВ, а в принципе достижимый предел в земных условиях равен 10^7 ГэВ [12, с. 46].

Второе затруднение – это закономерное следствие первого: ИТ подвергается критике как специалистами, так и неспециалистами. Анализ критических аргументов не входит в задачу данной статьи.

3. **Идеальные объекты** – это «обитатели мира идей» (в трактовке Платона). Как известно, великий математик Д. Гильберт разделял все объекты математической теории на действительные и идеальные с точки зрения семантики. Действительные объекты (например, точка, прямая, плоскость и т.п. в евклидовой геометрии) имеют значение в отношении к реальности; идеальные объекты (например, несобственные точки и прямые проективной геометрии) такого значения не имеют. Данная проблематика на протяжении многих лет обстоятельно изучается в отечественной литературе, в частности, в работах Б. В. Бирюкова, Д. П. Горского, Б. С. Грязнова, А. А. Маркова, В. С. Стёпина, Н. А. Шанина и других исследователей – логиков, математиков, философов, методологов. На материале истории физики В. С. Стёпин разработал типологию идеальных объектов. Он полагает, что от реальных объектов следует отличать эмпирические объекты, являющиеся значениями эмпирических терминов. Эмпирические объекты – «это абстракции, выделяющие в действительности некоторый набор свойств и отношений вещей. Реальные объекты представлены в эмпирическом познании в образе идеальных объектов, обладающих жестко фиксированным и ограниченным набором

признаков. Реальному же объекту присуще бесконечное число признаков» [19, с. 158]. Таким образом, согласно Стёпину, идеальные объекты делятся на *эмпирические* и *теоретические* идеальные объекты. Примерами последних служат материальная точка и абсолютно твердое тело в механике, идеальный газ, идеальная жидкость и идеальный кристалл в теории конденсированного состояния и т.п. Отметим, что Стёпин не проводит различие между идеализированным и абстрактным объектами. Такое различие проводится в работах Б. С. Грязнова. Процедуру идеализации он рассматривает как процедуру абстрагирования отношений (в системе «вещь – свойство – отношение») и превращения их в объект исследования. «Здесь само отношение становится некоторой вещью. Следовательно, идеализация невозможна без абстрагирования, но и не исчерпывается им» [5, с. 64]. Несомненно, что без конструирования идеальных объектов невозможно познание сущности явлений и закономерностей объективной реальности.

4. **Идеально-гипотетические объекты.** В качестве примера таких Иванов и Миронов приводят «представление о человеке, способном жить 300 лет» [6, с. 404]. Как возможно обобщить данное представление и строго определить понятие «идеально-гипотетический объект»? Не претендуя на окончательное решение этой задачи, предлагаем следующую дефиницию. Идеально-гипотетический объект – это теоретический конструкт, для которого не доказана теорема существования. Известна, например, *континуум-гипотеза* (первая проблема Гильберта): «Существует ли бесконечное кардинальное число строго между кардиналами множеств целых и действительных чисел?» [20, с. 433]. Указанное число оставалось идеально-гипотетическим объектом с 1878 г., когда Г. Кантор сформулировал континуум-гипотезу, до 1963 г., когда П. Коэн доказал неразрешимость проблемы континуума. Сведения о других нерешенных математических проблемах содержатся в цитированной книге И. Стюарта. Таким образом, ситуация с идеально-гипотетическими объектами вполне аналогична, на наш взгляд, ситуации с реально-гипотетическими объектами. Можно предположить, что идеально-гипотетические объекты существуют не только в мире математических теорий, но и в других мирах, например, в мире философских идей. Действительно, что такое Дао, Логос, Нус, демон Лапласа, Единое, Абсолютная идея в философии Гегеля, Абсолютный Дух и т.п.? Это философские конструкты или идеально-гипотетические объекты.

5. **Виртуальные объекты.** Если определять эти объекты как фрагменты *виртуальной реальности* (ВР), то мы совершим логическую ошибку – нарушим один из запретов традиционной формальной логики: «Нельзя определять неизвестное через неизвестное». Дело в том, что понятие ВР, как отмечают многие специалисты, остается весьма неопределенным и расплывчатым. Учитывая данную ситуацию, ограничимся краткой характеристикой достаточно изученного класса виртуальных объектов – *виртуальных частиц* в микрофизике, прежде всего в квантовой электродинамике (КЭД). Известно, что КЭД возникла как обобщение квантовой механики в связи с необходимостью изучения процессов взаимодействия вещества и электромагнитного поля [22]. Эта теория описывает процессы порождения, поглощения и взаимных превращений электронов, позитронов и фотонов. Центральным понятием КЭД служит понятие квантованного поля, объединяющее понятия микрочастицы и поля. Анализ указанных концептов приводит к выводу о том, что предметной областью понятия «виртуальность» являются все известные элементарные частицы, рассматриваемые в определенном аспекте их существования. Виртуальные частицы существуют в объективной реальности в виде возможности, а не действительности, другими словами, на грани бытия и небытия. В категориальную структуру концепции виртуальности входят категории *возможности*, *становления* и *действительности*, однако ядром этой структуры является, по мнению В. А. Кайдалова [7, с. 181], категория **самодвижения**, которая подчиняет себе указанные категории, делая их своими субкатегориями.

6. **Биологические объекты.** Необходимость выделения этого вида реальных объектов обусловлена: а) самобытностью живой природы; б) нерешенностью проблемы сущности жизни; в) становлением *биофилософии*. Самобытность живых организмов исследователи изучают на разных уровнях познания: эмпирическом, теоретическом, мировоззренческом. На эмпирическом уровне выделяют следующие особенности биологических объектов: специфическая организация, обмен веществ (метаболизм), подвижность, раздражимость, рост, размножение, приспособление (адаптация). На теоретическом уровне, согласно В. А. Энгельгардту, формулируются следующие принципы, выражающие атрибуты живых систем:

- *принцип организации* – наличие высокой степени внутренней упорядоченности как в структурном, так и функциональном аспекте. Он включает субкатегории «системность» и «целостность». В. А. Энгельгардт утверждает, что проблема природы жизни – это проблема первичной организации материи в живых объектах [23, с. 95];

- *принцип иерархической структуры* утверждает представление о многоступенчатом характере биологической организации и о соподчиненности последовательных уровней. В биологических системах подчиненность чаще всего выступает в форме контроля, при осуществлении которого важную роль играют обратные связи, направленные как сверху вниз, так и снизу вверх;

- *принцип интеграции* утверждает, что онтогенез биологических иерархий происходит путем последовательно совершающихся процессов интеграции. Он противостоит редукционизму, призывающему – «разделяй и познавай»;

- *принцип «узнавания»* выражает строгую избирательность в установлении контактов молекул биополимеров – белков и нуклеиновых кислот – между собой, а также с другими соединениями.

Необходимо подчеркнуть еще один из аспектов онтологического статуса биологических объектов. Общность законов физики и химии настолько широка, что включает и действительное, и возможное, в то время как биологические законы жестко **ограничены рамками действительного**. Это обстоятельство характеризует способ существования живых систем, способ функционирования биологических объектов – оно частично

отвечает на вопрос «как существует?». Альтернативный ответ на данный вопрос предлагают биофизики В. И. Корогодина и В. Л. Корогодина. Они ставят задачу найти такое специфическое свойство, отличающее живое от неживого, обладание которым делает объект живым: «Свойство это давно известно, но почему-то до сих пор приписывалось только человеку. Это – способность совершать целенаправленные действия» [8, с. 6-7]. Указанные авторы приходят к выводам мировоззренческого уровня: они утверждают, что **принципы каузальности и телеологичности** управляют окружающим миром.

7. **Социальные объекты.** Этот класс объектов характеризуется такими признаками как: а) *многообразие*, практически неисчерпаемое. Он объединяет объекты познавательной деятельности всех гуманитарных и социальных наук – от человеческой психики до цивилизации как целого (включая культуру и все ее артефакты); б) *разнородность*. Что общего между чувством любви к матери и надвигающейся на нас техносферой? Некоторые философы (например, В. А. Кутырёв) в этой связи говорят о борьбе миров: естественного и искусственного, культуры и техники, человеческого и иного, постчеловеческого; в) *неопределенность*, текучесть, размытость границ между подклассами, которые выражаются в хроническом (или вечном?) «теоретическом недомогании» социогуманитарного знания. Какие же «лекарства» предлагают современные исследователи?

В теоретической психологии нередко обходят обсуждаемую проблему, не используя вообще понятие «объект». Так, например, А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский утверждают, что предметом теоретической психологии является *саморефлексия* психологической науки, выявляющая и исследующая ее категориальный строй, объяснительные принципы, ключевые проблемы, а также само психологическое познание как особый род деятельности. В дальнейшем, правда, выясняется, что категориальная система психологии образуется на пересечении трех сфер реальности: *биосферы*, *психосферы* и *ноосферы* [13, с. 5, 20], – однако целостность указанной системы может вызывать сомнения. Кроме того, рефлексия – это метод, а не предмет. Она может стать предметом метатеории, как предлагает Л. М. Веккер. Отмечая дефицит теоретического единства, он полагает, что внутренними силами самой психологии невозможно преодолеть энтропию фактического материала и победить «тысячеглавую гидру эмпиризма» (И. В. Гёте). Переход к метатеории, согласно Веккеру, есть выход в сферу действия физиологических и общезначимых законов [2, с. 16-17]. Повидимому, на этом пути исследователей подстерегают «*онтологические разрывы* (пропасти, расщелины)» между иерархическими уровнями организации материи: между физическими и химическими процессами, между химическими и биологическими явлениями и т.д. Крайне наивно полагать, что формирование «пограничных наук» (физической химии, биофизики, биохимии и т.п.) ликвидирует указанные разрывы бытия, в частности – между косным и живым веществом, по терминологии В. И. Вернадского. Отмечая специфику психологической науки, Веккер писал: «В сфере психологических явлений скрещиваются и взаимно усиливают друг друга интерес человека к противостоящей ему природной и социальной реальности и потребность понять интимнейшие стороны собственного существования. Все это придает проблеме познания человеческой души характер одной из самых “жгучих тайн”» [Там же, с. 15].

Данная констатация закономерно порождает вопросы «В чем состоит и как проявляется *специфика* социогуманитарного познания в плане обсуждаемых проблем?». Отечественные исследователи сформулировали весьма эвристические, на наш взгляд, подходы к их решению. Так, например, В. Н. Романов обосновывает гипотезу о существовании двух типов культур – **симпрактических и теоретических**. Он полагает, что в человеческом существе бытует надындивидуальное пред-рассудочное начало, «без которого это существо никогда и ни при каких условиях не состоялось бы как существо разумное» [18, с. 23]. Указанные типы культур кардинально отличаются по способу передачи информации (знаний, умений и т.п.) и по предоставляемым ими познавательным возможностям. В качестве онтологических утверждений, эксплицирующих содержание гипотезы Романова, выступают следующие: а) тезис о том, что человек есть существо многоуровневое и разноуровневое. То же самое утверждает и Веккер; б) в формировании естественного языка смыслообразующую роль играет телесно-двигательная активность человека; в) указанная активность развертывается не в объективном физическом пространстве, а в *эго-центрично* организованном мире опредмеченных возможностей; г) этот мир имеет *непосредственно знаковую природу* и потому «приобретает для нас системное значение и смысл уже благодаря одному нашему телесно-деятельностному присутствию в нем и уж точно не в тот только момент, когда он предстает перед нами в виде рисуемой лингвистами его так называемой *языковой картины*» [Там же, с. 27] (*Курсив наш – В. П.*); д) **существует изоморфизм** между эгоцентричным миром и лексическим составом естественного языка.

Данная гипотеза нуждается, на наш взгляд, в философско-методологической рефлексии. Тем не менее, она фиксирует противопоставление двух подходов к познанию повседневного языка: антропоцентричного (гуманитарного) и объективистского (естественнонаучного), преобладающего в современной лингвистике. Представляется, что: 1) гипотеза Романова находится в русле идей эволюционной эпистемологии – идей телесного (*embodied cognition*) и энактивного (*enactive cognition*) подходов к человеческому познанию мира и самопознанию; 2) идеи телесности и энактивности направлены на **синтез** естествознания (прежде всего наук о жизни) и философской теории познания как гуманитарной дисциплины; 3) пафос гипотезы Романова – на противопоставление естественнонаучного и гуманитарного познания, на артикуляцию и обоснование «превосходства» гуманитаристики. В этом просматривается **внутреннее противоречие** (*contradictio in adjecto*) данной гипотезы. Кроме того, неясно, как формируются эго-центричный мир и его знаковая природа. Возникают вопросы: «Существует ли языковая картина мира? Исчерпаны ли эвристические возможности картинной метафоры?».

Нельзя не согласиться с тезисом В. Н. Романова о том, что компьютерная метафора полностью **несообразна человеческой природе** [18]. К сожалению, не все гуманитарии это понимают. Многие из них

продолжают эксплуатировать компьютерную метафору, понятие информации для решения онтологических проблем своей научной дисциплины. Так поступает, например, О. М. Медушевская с целью конструирования *макробъекта исторической науки*. Для достижения указанной цели она формулирует определения фундаментальных категорий «человек» и «интеллектуальный продукт». Согласно Медушевской, **человек** – это «живая система, способная целенаправленно и осознанно создавать продукт, придавая ему структуру, пригодную для выполнения функций, к осуществлению которых этот продукт предназначен» [11, с. 429]. Эта дефиниция механически соединяет два известных образа – *Homo sapiens* и *Homo faber*. Следовательно, она не обладает научной новизной. Далее Медушевская предлагает рассматривать все многообразие интеллектуальных продуктов (артефактов), созданных человечеством, в качестве искомого макрообъекта: «Вещественная природа культурных объектов едина для всего исторического процесса. Общая цель их создания – фиксирование информационного ресурса, овеществление его» [Там же, с. 430]. Развивая данные тезисы, авторитетный историк в качестве аргументов использует весьма сомнительные метафоры типа «информационная энергетика», «информационный магнетизм» и т.п. Концепции Медушевской в целом присущи, на наш взгляд, следующие недостатки: а) отсутствие научной новизны в историко-философском плане. Приведенные утверждения есть не что иное, как диалектика категорий «опредмечивание» и «распредмечивание», разработанная Гегелем и широко применявшаяся Марксом для анализа человеческого труда. Старая добрая диалектика, изложенная на языке «модных» информационных терминов и расплывчатых метафор; б) необоснованная претензия на универсальность предлагаемого подхода: историческая наука редуцируется к истории артефактов, к истории «материальной культуры»; в) утрата, «растворение» **ценностно-смыслового измерения культуры**. Действительно, интеллектуальный продукт объявляется единством цели создания, структуры и функции. Следовательно, пыточные орудия Средневековья, газовые камеры Освенцима, термоядерная и нейтронная бомбы и другие средства массового уничтожения – всё это «интеллектуальные продукты», достойные исторического исследования. Не можем с этим согласиться.

В качестве аргумента «за» наш центральный тезис выступает концепция П. А. Плютто, исследующая *социокультурные иллюзии* (далее – СКИ). Автор справедливо утверждает, что СКИ «привносят в жизнь человека важнейшие ее смыслы, работающие на уровне организации и сохранения человеческого общества и культуры, они поневоле обладают не только аксиологическим, но и неким онтологическим статусом: статусом самой человеческой реальности» [17, с. 8]. Излагая результаты своего исследования, Плютто формулирует следующую дефиницию: СКИ – это «*практические, действенные заблуждения, имеющие онтологический статус, который препятствует их рассмотрению в их более привычном гносеологическом статусе*» [Там же, с. 312]. Необходимо подчеркнуть принципиально важный вывод автора данной концепции о том, что СКИ обладают собственной парадоксальной реальностью – реальностью социокультурного виртуального. Следовательно, современные социально-гуманитарные исследования, так же, как естественнонаучные, наряду с реальными изучают виртуальные объекты, **познают виртуальную реальность**. Научная новизна концепции Плютто заключается в том, что она объясняет «живучесть», бытийственность СКИ, их способность побеждать возможное и действительное знание, которое угрожает разоблачением данных иллюзий в качестве всего лишь заблуждений. Кроме того, автор формулирует два принципа существования реальности СКИ: принцип незнания и принцип совмещения несовместимого. По-видимому, эти принципы позволяют прояснить феномен *кентавр-проблемы*, выделенный Ж. Т. Тощенко. Недостаточно проясненным моментом концепции Плютто является тезис о переходе СКИ из онтологического статуса в гносеологический. Автор полагает, что в ходе своей реализации СКИ теряют собственную реальность – реальность социокультурного виртуального. Нам представляется, что такие СКИ как ведущие современные идеологии – консерватизм, религиозный фундаментализм, либерализм, национализм и т.п. – обладают завидной «живучестью» и они воспроизводятся, возрождаются в новых условиях – события на Украине подтверждают этот вывод. Мы являемся свидетелями **реидеологизации**, «вооруженной» информационно-коммуникационными технологиями.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. **1.** «Вечные вопросы» классической философской онтологии – что существует? как существует? каковы критерии существования? – в высшей степени актуальны, востребованы во всех областях современной неклассической науки – как в естествознании, так и в обществознании, техникзнании, логико-математическом знании, культурно-исторической антропологии и т.д. **2.** Данный вывод подтверждает *единство в многообразии* научного знания и познавательной деятельности, вопреки утверждениям постмодернистов, постулирующим *различие* и «множественность порядков», безбрежный плюрализм и релятивизм. **3.** Онтологические проблемы и категории укоренены в структуре сущего (бытия), а не в структуре древнегреческого языка, как полагают некоторые авторы, исповедующие *лингвоцентризм*. **4.** В неклассической науке представлены следующие виды познаваемых *объектов*: реальные, реально-гипотетические, идеальные, идеально-гипотетические, виртуальные, социальные (социокультурные). **5.** Для понимания специфики современного общественного развития важную роль играют такие подвиды социальных объектов как *кентавр-объекты*, *симулякры* и социокультурные *иллюзии*. Последние, согласно П. А. Плютто, включены в единую природно-культурную человеческую реальность, которая делится на: а) внеиллюзорную реальность и б) реальность социокультурного виртуального. **6.** Данное членение *единой реальности* позволяет по-новому осмыслить такие классические социокультурные феномены как миф, утопия, идеология, иллюзии. Реальность социокультурного виртуального может быть, по-видимому, экстраполирована на функционирование и развитие общества и культуры в целом. **7.** Современная научная рациональность включает в себя *принцип целостности*, выражаемый категориальной триадой «целостный мир – целостная культура – целостный человек», функционирующий как регулятивное применение Разума.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
2. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.
3. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
4. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
5. Грязнов Б. С. Логика, рациональность, творчество. М.: Наука, 1982. 256 с.
6. Иванов А. В., Миронов В. В. Университетские лекции по метафизике. М.: Современные тетради, 2004. 647 с.
7. Кайдалов В. А. Диалектико-материалистическая концепция самодвижения и ее современные проблемы. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982. 201 с.
8. Корогодин В. И., Корогодина В. Л. Информация как основа жизни. Дубна, 2000.
9. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический Проект, 2008. 475 с.
10. Левин Г. Д. Проблема универсалий. Современный взгляд. М.: Канон+, 2005. 224 с.
11. Медушевская О. М. Пространство и время в науках о человеке: избранные труды. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 463 с.
12. Павленко А. Н. Философские проблемы космологии. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 208 с.
13. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Теоретическая психология. М.: Академия, 2001. 496 с.
14. Пивоваров Д. В. Онтология: материя и ее атрибуты. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. 192 с.
15. Пивоваров Д. В. Основные категории онтологии. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. 268 с.
16. Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
17. Плюгто П. А. Исследование реальности социокультурного виртуального: опыт анализа социокультурных иллюзий. М., 2014.
18. Романов В. Н. Культурно-историческая антропология. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 350 с.
19. Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2008. 384 с.
20. Стюарт И. Величайшие математические задачи. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 460 с.
21. Сэмпл И. В поисках частицы Бога, или Охота на бозон Хиггса. М.: КоЛибри, 2012. 416 с.
22. Фейнман Р. КЭД – странная теория света и вещества. М.: Астрель, 2012. 191 с.
23. Философия, естествознание, современность. М.: Мысль, 1981. 351 с.
24. Фок В. А. Квантовая физика и философские проблемы. М., 1970.
25. Храмов Ю. А. Физики: биографический справочник. М.: Наука, 1983. 400 с.
26. Чёрч А. Введение в математическую логику. М., 1960.

ONTOLOGICAL PROBLEMS IN NON-CLASSICAL SCIENCE

Prytkov Vladimir Pavlovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Ural Federal University named after the first President of Russia B .N. Yeltsin
a.n.kolobaeva@urfu.ru

The article analyzes ontological problems in the natural-science and social studies and studies pertaining to the humanities of the XX-XXI centuries: the typology of investigated objects, the forms of addressing the mentioned problems and the ways to solve them. The author evaluates modern trends in the development of science and philosophy and points out that modern social studies and studies pertaining to the humanities equally with natural-science ones explore virtual objects. The researcher justifies the thesis on the inevitability and relevance of the classical “eternal” problems of ontology.

Key word and phrases: science; object; ontology; problem; centaur-problem; reality; virtual reality; reality of sociocultural virtual; sociocultural illusions.

УДК 7; 18:7.01

Искусствоведение

Башкирский кыл-кубыз – струнный музыкальный инструмент с фрикционным (смычковым) звукоизвлечением. По структурной классификации Хорнбостеля-Закса – коробчато-шейковая лютня (индекс – 321.322.71) или дощечная цитра без резонатора (индекс – 314.11.71). В 30-е годы XX века был вытеснен из национального инструментария скрипкой, сменив сакральную функциональность на эстетическую. В статье даётся органо-логическая оценка характерным свойствам кыл-кубыза, как традиционного, так и реконструированного башкирскими мастерами. Приводятся нотные расшифровки репертуара.

Ключевые слова и фразы: башкиры; народные инструменты; хордофон кыл-кубыз; Коркут-Ата; камлание; реставрация; реконструкция.

Рахимов Равиль Галимович, д. искусствovedения, доцент
Уфимская государственная академия искусств имени З. Исмагилова
folk49@mail.ru

КЫЛ-КУБЫЗ – БАШКИРСКИЙ ФРИКЦИОННЫЙ ХОРДОФОН[©]

Современные масс-медиа усиленно культивируют урбанизированную субкультуру, построенную на миксте зрелищных и легко воспринимаемых межэтнических музыкальных компонентов. Не вдаваясь в подробности